

Раздел VII
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
В ОБРАЗОВАНИИ**

**Part VII. TOPICAL PROBLEMS OF RELIGIOUS STUDIES
IN EDUCATION**

УДК 2 + 37.0 + 13

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ПРОБЛЕМА
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

С. И. Чудинов (Новосибирск)

Предмет статьи – феномен современного экстремизма, выступающего под лозунгами радикального ислама, в свете проблемы духовно-нравственного противодействия экстремизму в рамках этического и богословского поля арабо-мусульманской культуры. Цель исследования сводится к выявлению слабо освещенных в отечественной гуманитарной литературе мировоззренческих и идеологических источников агрессивного джихадизма и терроризма исламистов (на примере легитимации «мученических операций») в связи с проблемой реализации механизмов духовно-нравственного воспитания, сдерживающих и пресекающих идеологическую пропаганду насилия и радикализацию религиозного сознания мусульман в условиях социально-политического конфликта.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, радикальный ислам, терроризм смертников, духовно-нравственное воспитание.

**RELIGIOUS EXTREMISM AND THE PROBLEM OF SPIRITUAL
AND MORAL EDUCATION AND COUNTERMEASURES**

S. I. Chudinov (Novosibirsk)

The theme of the article is the phenomenon of modern extremism, which acts under the banner of radical Islam, considered through the problem of spiritual and moral countermeasures within the ethical and theological framework of Arabic Muslim culture. The main objective of the research is to reveal the

Чудинов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: personally@ngs.ru

worldview and ideological sources of aggressive jihadism and Islamic terrorism (which are insufficiently studied in Russian humanitarian science) on the example of legitimization of martyrdom operations in connection with the problem of realization of the mechanisms of spiritual-moral education capable to deter and suppress the ideological propaganda of violence and radicalization of Muslim religious consciousness in the conditions of a socio-political conflict.

Key words: *religious extremism, radical Islam, suicide terrorism, spiritual-moral education.*

Одним из наиболее часто предлагаемых западными политологами рецептов решения проблемы религиозного экстремизма под лозунгами ислама, включая террористические атаки смертников, является идеологическое противостояние религиозно-политическому экстремизму изнутри самой культуры, в рамках которой он был порожден. Несомненно, практические потребности диктуют необходимость нахождения союзников на стороне высших религиозных авторитетов и интеллектуальной элиты среди мусульман в деле духовного и идейного противостояния глобальной волне современного экстремизма, эксплуатирующего религиозную мотивацию. Чтобы понять, насколько реалистично и практически применимо подобное пожелание, следует беспристрастно взглянуть на сущность дела, выявить социокультурные источники экстремизма (идеологические и др.) и обратить внимание на проблемы, связанные с реализацией механизмов духовно-нравственной профилактики [1] и противодействия радикализации сознания части мусульманского общества в условиях острых социально-политических проблем, вырождения ислама как духовного учения в воинственную сектантскую идеологию.

В исламе существует множество ценностных ориентиров и нравственных императивов, закладывающих основы прочной толерантности в социальных отношениях как внутри мусульманской общины, так и между мусульманами и представителями других вер и культур. Коран отвергает принятие веры по принуждению (Коран, 2:256) и устанавливает высокие этические нормативы в отношении мусульман к представителям других монотеистических религий (иудаизма и христианства, называемых в Коране «людьми Книги», то есть хранителями Божественного Откровения). Также в исламе есть множество духовно-нравственных предписаний (подчинение власти, уважение к старшим, покорного принятия всех событий жизни в свете провиденциализма, благородные нормы ведения войны), препятствующих формированию бунтарского экстремистского сознания. Очевидно, что в деятельности исламистских организаций, осуществляющих экстремистскую деятельность, используются религиозные символы, ценности и императивы ислама в качестве материала для конструирования собственной радикальной субкультуры, претендующей на глубокую укорененность в мусульманской культурной традиции и соответствие религиозному закону, но фактически основанную на новой интерпретации категорий исламской веры. Насколько же богословско-идеологическая апологетика религиозного экстремизма в действительности аутентична исламской традиции, и на какие идейные источники она опирается? Каковы механизмы нейтрализации экстремистских идей мерами духовно-нрав-

ственного воспитания и противодействия в традиционном исламе, и с какими проблемами сталкивается их реализация? На эти вопросы мы попробуем ответить на примере одной из наиболее специфических форм исламистского экстремизма – атак террористов-смертников, именуемых в терминологии радикального ислама «мученическими операциями» (*аль-амалийят аль-истишадиййа*). Со времени внедрения этой практики в качестве одного из ведущих тактических средств палестинскими группировками (с середины 1990-х гг.) операции террористов-смертников стали весьма популярным видом террористических атак и темой, активно обсуждаемой в кругах мусульманских богословов.

Важно отметить тот факт, что тактика терроризма смертников опасна не только своим широким распространением во многих странах и регионах (ее жертвами стали около трех десятков государств на пяти континентах) [2, с. 9], но также и тем, что мученические операции исламистов в ряде случаев получили значительную общественную поддержку. Так, в Палестине общественная поддержка атак террористов-смертников в разные годы существенно колебалась. При этом, оставаясь стабильно высокой (около 20%), однажды она достигла рекордного пика в 74,5% (в октябре 2003 г.) [3, с. 19–20].

С одной стороны, народная популярность важна для успешной деятельности радикальных движений, с другой стороны, в любом обществе есть выразители авторитетного мнения, оказывающие значительное влияние на умонастроения масс. В арабо-мусульманской культуре такими выразителями авторитетного мнения традиционно выступают ученые-богословы, или *улемы* (от араб. *уляма*, ед. ч. *алим*), в частности, правоведы-*факихи*, знатоки религиозного права и *муфтии*, дающие авторитетные заключения по религиозным вопросам (*фатвы*). В странах ислама на ученых лежит обязанность выяснения разрешенности (или же запретности) тех или иных действий в соответствии с правовыми и этическими нормами *шариата*, в особенности это касается введения новых обычаев, оценки различных видов поведения, поступков, ранее не практиковавшихся. Ученым раннего ислама, до окончательного формирования классического *шариата*, приходилось проводить гигантскую работу по разработке религиозно-правовых норм, интерпретируя первичные источники ислама, Коран и Сунну (предание мусульман о жизни пророка Мухаммада). Эти ученые получили название *муджтахидов*, тех, кто занимается *иджтихадом*. *Иджтихад* (букв. усердие, старание) означает процедуру самостоятельного извлечения новых правил и практических предписаний из первичных источников ислама (Корана и Сунны) с помощью набора определенных методов. Этим ученым принадлежит заслуга превращения раннего ислама из разрозненных предписаний и свидетельств о жизни пророка Мухаммада в целостную систему религиозно-правовых норм, которую мы сейчас знаем как *шариат*. Эпоха *иджтихада* для суннитов закончилась к тому времени, когда сложились четыре школы (ед. ч. *мазхаб*) мусульманского права, основанные великими *имами* Абу Ханифой, Маликом, аш-Шафии и Ибн Ханбалем. Впоследствии наследники традиций великих *имамов*, ученые последующих поколений, принадлежащие к разным *мазхабам*, издавали *фатвы* уже на основе авторитетных постановлений осно-

вателей *мазхабов* и их учеников без обращения к первичным текстам (Корану и Сунне). Они уже не признавались *муджтахидами*, теми, кто мог самостоятельно и свободно трактовать основополагающие доктрины или частные вопросы ислама, на которые уже был дан ответ основателей-эпонимов правовых школ. Но вопросы, с которыми обращались к *муфтиям*, могли быть решаемы по-разному классическими представителями одной и той же школы, и тогда приходилось проводить целое критическое исследование текстов своих авторитетных предшественников и разработанную ими же методологию, предназначенную для интерпретации первичных текстов ислама, применять по отношению к текстам основателей *мазхабов*. К тому же с течением времени периодически возникала необходимость исламского осмысления принципиально новых явлений в общественной жизни, не знакомых предыдущим поколениям, что уже приближало деятельность *муфтия* к труду *муджтахиды*, если даже формально он и не претендовал на подобный статус [4].

Новая тактика повстанческих и военизированных исламистских группировок, названная западными светскими учеными как «атаки смертников», – как раз такое явление, прямых прецедентов которому невозможно обнаружить в трудах классиков правовых школ. Поэтому вопрос, соответствуют ли они исламу, предписаниям *шариата* и мусульманским правовым нормам ведения войны (*джихада*), требует *иджтихада*. Очевидно, что роль знатоков ислама и выразителей авторитетных суждений в оценке этого явления и формировании соответствующего восприятия его обществом мусульман становится незаменимой и ключевой.

Вопрос об «акциях самопожертвования» смертников вызвал существенные расхождения среди ученых в мусульманском мире. Ответы на него составили весьма широкий спектр мнений, среди которых есть как обвинительные, так и апологетические религиозные постановления. В итоге возникла парадоксальная ситуация: одни религиозные авторитеты внесли атаки бомбистов-смертников в категорию поступков, однозначно запрещенных в исламе (*харам*), тогда как другие объявили их «высшей формой джихада» и мученичества на пути Аллаха.

Богословско-правовое обсуждение допустимости или запретности акций террористов-смертников в исламе концентрируется на двух основных аспектах этого явления: «суицидальном» (условие обязательности гибели взрывающего себя смертника для успешного завершения атаки вызывает вопрос о ее легитимности, поскольку в исламе существует строгий запрет на самоубийство) и гомицидальном (проблема дозволенности покушения на других людей, в частности, гражданские цели на стороне противника). О сложности обсуждения вопроса об атаках смертников в рамках исламского права и богословия, зависимости его окончательного разрешения от многих нюансов говорит тот факт, что если объект покушения носит военный характер, даже многие из уважаемых и широко признанных знатоков ислама могут признать атаку смертника соответствующей *шариату*. Примечательно, что в турецком научном сборнике статей «Ислам о терроре и акциях террористов-смертников» профессор Хикмет Юджеоглу, отвергая любые покушения террористов на гражданское население, квалифицирует атаку бомбиста-смертника против воору-

женной силы противника правомочным видом атаки в условиях войны (*джихада*), если она не нарушает исламские правовые нормы [5, с. 153]. Что же касается идеологов радикального ислама, то они разрешают даже атаки против мирного населения общества, классифицированного в качестве враждебного мусульманам. Подобные вердикты были вынесены в отношении действий палестинских исламистов всемирно известным шейхом, «либеральным» салафитом Юсуфом аль-Карадауи, ректором университета Аль-Азхар шейхом Мухаммадом Сайид ат-Тантауи, а также некоторыми другими богословами Египта и Палестины, принадлежащим к традиционным школам ислама. Стоит отметить, что некоторые крайне радикальные богословы (как правило, из Саудовской Аравии) оказывают поддержку «мученическим» операциям на территории Северного Кавказа (Чечни) или же освящают своей трактовкой религиозного закона деятельность глобальных джихадистов (Аль-Каида и др.).

«Мученические» операции, осуществляемые современными исламистскими экстремистскими группировками, основаны на религиозной легитимации, базирующейся на нескольких культурно-теоретических источниках, среди которых можно выделить три основополагающих: 1) радикальную интерпретацию идеала мученичества в исламе (ведущую свое идейное происхождение от шиитской версии исламского фундаментализма и исторического примера атак иранских *басиджей* во время ирано-иракской войны); 2) религиозно-фаталистическое мировосприятие, снимающее ответственность с исполнителя террористической атаки за свою смерть и частично за последствия его действий; 3) законническую этику, избавляющую от бремени принятия личного и индивидуально осмысленного выбора в сложных жизненных ситуациях, умения тонкого различения добра и зла и прощения врагов. Рассмотрим каждый из этих пунктов несколько подробнее.

Феномен жертвующих своей жизнью террористов связан с духовными потребностями современной мусульманской цивилизации, ослабленной и дезинтегрированной, в возрождении идеала героя-воина, способного вдохнуть заряд пассионарной энергии в обновленную мусульманскую нацию (*умму*). Российский идеолог исламизма Г. Джемаль называет это процесс «возрождением кшатрийского героического типа» или «жертвенной героической элиты» [6, с. 107]. Столкнувшись с доминированием западной цивилизации, мусульманскому консервативному обществу пришлось частично измениться, но впоследствии это еще больше пробудило в нем культурное самосознание и утопическое стремление к возврату «золотого века» ислама. Интенсификация личных религиозных чувств часто стоит за «мученическими» операциями, в особенности в мусульманских диаспорах в среде западных обществ, где вырванный из традиционной многовековой среды своих предков носитель мусульманской веры на фоне контраста с шокирующим его западным материализмом и ценностным релятивизмом начинает вновь обращаться к своим культурным корням и возрождению личной культурной идентичности. Желание обрести высокий сверхличный смысл жизни в среде молодых мусульман иногда превращается в героический идеал, созданный на почве экстремистской культуры, толкающей его к восприятию себя как воина в глобальной битве за

возрождение ислама против морально разложившегося и духовно невежественного Запада, каким он часто предстает в массовом сознании мусульман Востока.

Умаление человеческой свободы в сотворении причин и их последствий в пользу всемогущества Божественной воли приводит к снижению нравственной ответственности за собственные поступки. Уверенность в правильном исполнении императивных постановлений высшей сакральной воли, выраженной в *шариате*, приводит к восприятию себя в качестве слепого орудия справедливого и мудрого Божественного предопределения. Именно такое отношение культивируют идеологи и духовные наставники терроризма смертников. Апеллируя к мусульманской вере в предопределенность срока жизни человека, зависимость любого явления в этом мире от соизволения Аллаха, они пытаются создать систему теологической аргументации, снимающей нравственную ответственность со смертника не только за конкретные результаты террористической операции, но и за собственную смерть. Что, в свою очередь, лишает саму акцию самопожертвования самоубийственного характера.

Ислам – религия закона. Он дает образ жизни, освященный сверху до низу предписаниями *шариата*, освящая как культовую, так и мирскую жизнь, не проводя какого-либо четкого разделения между ними. Но если традиционный ислам, как правило, гибок и учитывает сложность и противоречивость житейских ситуаций, преследуя конечные духовные цели, ислам в интерпретации идеологов экстремизма превращается в утопическую политическую идеологию, диктующую однозначные и универсальные ответы на все вопросы. Идеологический дискурс в сознании последователя исламизма довлеет над проявлениями совести, создающей живую и спонтанную координацию между намерениями человека и их до-сознательной и еще не-рационализированной интуитивной оценкой. Истинные проявления совести всегда связаны с индивидуальным и личностно окрашенным выбором, невозможным при условии поглощенности личности социальными конвенциями. Ее задача определить «то, что должно» в конкретной жизненной ситуации, выбрать единственный наиболее верный вариант ее разрешения [7, с. 96–97]. Идеологизированное сознание адепта радикального ислама допускает террористическое насилие как приемлемый вариант разрешения социально-политических конфликтов в качестве прямого ответа на несправедливость в отношении братьев-мусульман, наказания «врагов мусульман» и восстановления Божественной справедливости, выраженной в религиозном законе. Часто за атаками террористов-смертников стоит феномен аберрационной совести – обостренного сочувствия к страданиям родного сообщества и единоверцев, соединенного с хладнокровностью к жертвам своей террористической миссии (допустимость которой вписывается в логику этики закона).

Если говорить о характере богословской легитимации терроризма смертников, стоит заметить, что она опирается не на очевидные свидетельства мусульманского священного писания и основополагающие принципы веры мусульман, а на вторичные аргументы, взятые из Сунны путем весьма натянутой аналогии и дедуктивной интеллектуальной операции. К этому добавляется применение принципов религиозного закона и право-

вой традиции ислама, допускающих исключения из правил в силу чрезвычайных обстоятельств (принцип «нужда делает запретное дозволенным») или в качестве послабления при ведении затрудненных боевых действий против неверных (аргумент «живого щита», допускающий побочный ущерб на стороне мусульман), которые из исключительных принципов, по сути, превращаются в основные. Строго говоря, единственная форма атак смертников, которая может быть признана несомненной с позиции ее соответствия *шариату* традиционного ислама, – это атака, имитирующая модель самоотверженного поведения некоторых из сподвижников Мухаммада во время сражения с превосходящим врагом, истории о которых можно обнаружить в ряде достоверных *хадисов* (рассказов, из которых состоит Сунна). Ее важнейшее отличие от современного терроризма смертника (бомбинга смертников) заключается прежде всего в том, что исполнитель гибнет от вражеской, а не собственной руки. Второе отличие связано с объектом атаки, которым становится армия противника, но ни в коем случае не гражданское население. Поэтому такая атака действительно может быть названа акцией самопожертвования, не имеющей никаких оснований классифицироваться в качестве террористической. По всей видимости, «самоубийственные» атаки иранских *басиджей* соответствуют этой категории. Основная линия аргументации богословов, легитимирующих в своих суждениях и *фатвах* терроризм смертников, заключается в интенции неправомерного отождествления действий бомбиста, взрывающего себя вместе с другими (часто случайными лицами и представителями гражданского населения) с действиями жертвующего собой воина в военной истории раннего ислама и мусульманского *халифата* времен первых поколений мусульман.

Несмотря на очевидную сомнительность шариатской легальности атак террористов-смертников, необходимо заметить, что многие из авторитетных ученых, занимающих самые высокие посты в официальных религиозных структурах, как правило, не склонны к однозначной и категоричной оценке подобных акций, но выносят вердикт, учитывая ситуацию и обстоятельства конкретной страны. *Фатвы* и официальные выступления мусульманских богословов с осуждением тактики терроризма смертников, как правило, ситуативны и едва ли претендуют на универсальный характер. Существуют лишь единицы подробных и развернутых *фатв*, объявляющих атаки террористов-смертников незаконными в принципе и при любых условиях. И если судить по их количеству о численности бескомпромиссных противников «мученических» операций, то можно констатировать, что к настоящему времени они существенно проигрывают своим оппонентам. И даже если учесть тот факт, что традиционный ислам в целом составляет оплот для борьбы с экстремизмом и создает духовно-нравственные барьеры для сдерживания роста религиозно-радикальных настроений, отсутствие единогласия в среде духовных наставников мусульман не может не тревожить. Таким образом, одной из граней проблемы духовно-нравственного воспитания и духовной профилактики религиозного экстремизма в мусульманской культуре является отсутствие консолидированного фронта ученой элиты мусульманских обществ, выражающего однозначное осуждение религиозного радикализма и экстремизма под

лозунгами борьбы за исламскую веру. Почему сложилась такая ситуация?

Ислам, в отличие от христианства, не имеет институтов, которые могли бы претендовать на высшую религиозную власть и хранителя абсолютно правильной трактовки религиозных истин (ортодоксии). Абсолютным авторитетом обладает лишь Коран, священное писание мусульман. Второй источник веры ислама, Сунна, обладает лишь относительным авторитетом, поскольку она неоднородна (*хадисы*, составляющие ее, в разной степени достоверны, по поводу чего могут иметь место споры). Ислам позволяет сосуществовать разным религиозно-правовым трактовкам частных проблем *шариата*, которые требуют *иджтихада*.

Другой частный аспект вышеобозначенной проблемы – отсутствие эффективных нравственно-теологических преград к распространению радикальных трактовок мученичества и *джихада* в исламе, которые могли бы грозить идеологам атак смертников опасными метафизическими последствиями и посмертным наказанием. Ислам признает грех соращения других и порицает неверующего, который сбивает с истинного пути верующего, внушая ему ложные взгляды. Однако ситуацию, в которой *улем* проповедует неверную трактовку спорного вопроса, мусульманская религия квалифицирует совершенно иным образом. Оказывается, что ислам столь высоко оценивает нелегкий и общественно значимый труд ученых, что снисходительно относится к ошибке, допущенной в решении частного вопроса, требующего *иджтихада*. В соответствии с известным *хадисом*, передающим слова Мухаммада, тот ученый, который в ходе *иджтихада* вынесет верный вердикт, получит две награды от Всевышнего, а тот же, кто ошибется, получит одну награду. Таким образом, богослов даже в случае ошибки не будет наказан, но более того, получит награду за свои старания, хоть и увенчавшиеся неудачным результатом.

Проблема реализации мер духовно-нравственного противодействия религиозному экстремизму в лоне ислама также заключается в том, что часть официальной духовной элиты современных мусульманских обществ, призванной быть блюстителем многовековых традиций исламской культуры, встает на позиции апологетики религиозного экстремизма, в том числе включаясь в пропаганду такой сомнительной формы вооруженной активности исламистских группировок, как атаки террористов-смертников. Иногда это явно связано с политической конъюнктурой, но в большинстве случаев такая ситуация есть своеобразная реакция на политические и социокультурные вызовы, с которыми сталкивается современная исламская цивилизация в эру глобализации и доминирования постхристианского Запада. Но это – отдельная тема для разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косенко Т. С., Наливайко Н. В., Панарин В. И. Диалог в развитии традиций и новаций современного воспитания // Философия образования. – 2009. – № 3(28). – с. 204–211.
2. Schweitzer Y., Goldstein Ferber S. Al-Qaeda and the Internationalization of Suicide Terrorism. – Tel Aviv : Tel Aviv University, JCSS. – 2005. – 94 p.
2. Hafez M. Manufacturing Human Bombs. The Making of Palestinian Suicide Bombers. – Washington, D. C. : United States Institute of Peace Press, 2006. – 124 p.

3. Вайсс Б. Дж. Дух мусульманского права. – СПб. : ДИЛЯ, 2008. – 320 с.
4. Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / сост. Э. Чапан. – М. : Новый Свет, 2005. – С. 141–156.
5. Джемаль Г. Освобождение ислама. – М. : УММА, 2004. – 413 с.
6. Франкл В. Духовность, свобода и ответственность // Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

УДК 372.016:2 + 316.3/.4

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ» ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

А. В. Михеева (Новосибирск)

По мнению автора статьи, преподавание религиоведения на специальности «социальная работа» требует раскрытия в курсе ряда специфических аспектов, а именно: особенностей профессионального взаимодействия с представителями различных религий; опыта конфессионального социального служения; а также навыков критериального анализа религиозных организаций и их представителей с целью выявления деструктивных сект.

Ключевые слова: религиоведение, социальная работа, структура курса, компетентностная модель, конфессии, социальное служение, секты.

THE SPECIFICITY OF TEACHING THE “RELIGION STUDIES” COURSE TO THE SOCIAL WORK SPECIALISTS

A. V. Mikheeva (Novosibirsk)

Teaching the “religion studies” course to the social work students have some particular qualities: specificities of professional intercommunication and cooperation with the representatives of various religions; experience of social ministry within various confessions; and the skills of criteria analysis of religious institutions and their representatives with the aim of identifying the destructive sects.

Key words: study of religion, social work, structure of the course, competence model of education, confessions, social ministry, sects.

Современный образовательный процесс все чаще осуществляется в рамках компетентностной парадигмы [1]. Как следствие, появились учебники, написанные не для «учащихся вообще», а ориентированные на нуж-

Михеева Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: sw@fgo.nstu.ru; ursa.magna@gmail.com